

В голове Шэнь Цинжаня шла настоящая битва с системой:

«У тебя что, навигатор сбился? Главная героиня живет по соседству. Если дорогу не знаешь, могу прямо сейчас тебя к ней отвести».

Система: «Привязка завершена».

Шэнь Цинжань: «Человеческого языка не понимаешь, да?»

Система медленно запустилась: «Я могу общаться с тобой только после привязки. Для начала позволь представиться. Я — система селекционной станции из первой партии, совместно выпущенной Главным государственным управлением продовольственной безопасности и Министерством науки и технологий.

Некоторые специфические новеллы о фермерстве способны открывать врата пространства-времени, затягивая обычных людей в другие миры. Причина этого пока неизвестна, и предотвратить это невозможно. Узнав о подобном явлении, руководство использовало пространственно-временные колебания и изобрело систему, способную отслеживать попаданцев.

Продовольственной безопасностью пренебрегать нельзя. С развитием технологий появляется все больше мировых компаний-монополистов в сфере селекции, и семена для нескольких важнейших продовольственных культур приходится закупать за рубежом. Геном этих семян был искусственно модифицирован: после трех поколений посева урожайность резко падает, что вынуждает бесконечно закупать новые партии у монополистов. Чтобы выйти из тупика, перехватить инициативу, повысить конкурентоспособность отечественных семян, не допустить контроля над продовольственной безопасностью со стороны иных сил, а также решить проблему сокращения пахотных земель, стране срочно требуются более качественные сорта.

Центральное правительство приняло решение о создании пространственных селекционных станций. Огромное количество подобных систем последовало через врата пространства-времени в параллельные миры фермерских новелл, чтобы привязаться к носителям, заниматься посевами, отбирать полезные мутации и переправлять их обратно в реальный мир.»

Шэнь Цинжань слушал с отвисшей челюстью:

«Разве для такого важного дела не стоило бы тщательнее отбирать кандидатов? Посмотри на меня, я похож на человека, способного пахать в поле?»

Система: «В каждую книгу может попасть только один человек, а мы можем привязываться исключительно к попаданцам».

В механическом голосе послышалась легкая безысходность. Шэнь Цинжань мысленно посетовал на свою невезучесть, но продолжил рьяно отстаивать свою позицию:

«Но нельзя же бросаться на первого встречного! А вдруг я вообще ничего сажать не стану, тогда все ваши труды пойдут прахом?»

Шэнь Цинжань многозначительно изрек:

«Государственные ресурсы нельзя разбазаривать направо и налево, это же налоги простых тружеников».

Когда дело коснулось принципиальных вопросов, система тоже стала серьезной:

«Отнюдь. У нас есть строгие базовые критерии отбора».

«Первое: прохождение политической проверки, отсутствие связей за рубежом». — Отец и старший брат Шэнь Цинжана были военными, так что он даже перевыполнил этот норматив.

«Второе: правильные взгляды, высокая политическая сознательность». — Система зафиксировала шокирующее заявление Шэнь Цинжана в доме семьи Пань: «У народа есть вера — у государства есть сила», и идентифицировала его как выдающегося молодого человека.

«Третье: наличие успешного опыта в растениеводстве». — Шэнь Цинжань только что вырастил саженец цинду, пройдя по самой грани проходного балла.

«Четвертое: высокая оценка способностей к земледелию со стороны масс». — Благодаря чьему-то беспринципному заявлению в духе слепого обожания жены, это тоже с натяжкой засчиталось.

«Погоди-ка. Против первого пункта ничего не имею, со вторым тоже, так уж и быть, соглашусь — просто удачное стечение обстоятельств. Но что еще за четвертый пункт?» — возмутился Шэнь Цинжань.

Он ни за что не поверит, что кто-то мог дать ему такую оценку. У этого человека что, совсем совести нет?

Система постаралась развеять сомнения Шэнь Цинжана, выдав результат сканирования: «сделал подобное заявление минуту назад».

Поскольку дело касалось спойлеров о важном персонаже оригинальной новеллы, системе пришлось зацензурировать настоящее имя Сюэ Фэйфэна, поэтому она лишь намекнула:

«Это человек, который знает тебя лучше всех».

Шэнь Цинжань завис на три секунды, прежде чем до него дошло, что речь, скорее всего, идет о Сюэ Фэйфэне.

Он попытался опровергнуть четвертый пункт под другим углом:

«Мы с ним состоим в законном браке, так что его оценка недостаточно объективна».

Если вы такие смелые, собрали бы отзывы от тетушки Чжан и госпожи Цай! Зачем было спрашивать Сюэ Фэйфэна?!

Система находчиво разоблачила его: «Ваш брак фиктивный».

Лишившись дара речи, Шэнь Цинжань в сердцах закрыл интерфейс системы, и голос Сюэ Фэйфэна вновь стал отчетливо звучать в ушах.

Сюэ Фэйфэн сделал шаг к Шэнь Цинжаню:

— Из десяти тысяч саженцев цинду выживает едва ли один. Цинжань, ты просто невероятна.

Шэнь Цинжань, готовый разрыдаться от бессилия, скорбно посмотрел на Сюэ Фэйфэна:

«Мне теперь придется пахать».

Ничего не понимающий Сюэ Фэйфэн пожалел, что так рано заговорил о выздоровлении своих ног. Шэнь Цинжань снова начала считать себя бесполезной. Если она еще раз попытается сбежать из дома, Сюэ Фэйфэну проще будет сразу отдать ей свою жизнь.

Поэтому он поспешил исправить ситуацию:

— На самом деле, тут нет никакой магии. Нужно непрерывно принимать лекарство два месяца, и все это время следить, чтобы цинду давал новые побеги.

Скрытый смысл заключался в следующем: если Шэнь Цинжань не будет за ним ухаживать, и листья саженца увянут, то он на всю жизнь останется калекой.

Шэнь Цинжань взъерошил волосы. Да ладно, Бог с ней, с этой селекционной системой. В любом случае, у Сюэ Фэйфэна появилась надежда избавиться от инвалидной коляски, а это не могло не радовать.

Система не принуждала к фермерству, она лишь предлагала попаданцам способ улучшить свою жизнь на условиях взаимной выгоды. Если же ей попадался кто-то вроде Шэнь Цинжана, кто ни в какую не хотел возиться в земле, то поделаться она ничего не могла.

Шэнь Цинжань радостно погладил саженец цинду, свято веря словам Сюэ Фэйфэна.

Сюэ Фэйфэн: «Все-таки придется и дальше притворяться калекой».

Шэнь Цинжань наклонился и с любопытством ощупал бедро Сюэ Фэйфэна, беспорядочно пощипывая его за голень. Он моргнул. По законам жанра уся, нервные окончания здесь должны были омертветь, и как только к ним постепенно вернется чувствительность, он сможет свободно двигаться.

Он с уверенностью озвучил Сюэ Фэйфэну свою теорию, и тому оставалось лишь подыгрывать, терпя, как эти шаловливые пальчики легкомысленно скользят по его ногам.

— Угу.

Шэнь Цинжань присел на корточки, обхватив его ноги, и, задрав голову, предложил:

«Тогда я каждый день буду делать тебе массаж, чтобы разогнать кровь».

Здравый смысл подсказывал Сюэ Фэйфэну, что нужно отказаться.

Сюэ Фэйфэн:

— Хорошо.

— Прошлой ночью к нам забрался вор и проломил дыру в крыше, правда, сам же первый и сбежал от испуга, — как бы невзначай обронил Сюэ Фэйфэн. — А с массажем давай пока повременим. Я и так уже несколько месяцев калека, от пары дней ничего не изменится. К тому же, по ночам в моей комнате гуляют сквозняки, как бы ты не простудился.

Шэнь Цинжань широко распахнул глаза. Он что, спал прошлой ночью как убитый? Зайдя в комнату Сюэ Фэйфэна, он убедился в правдивости его слов: сквозь пролом лился ясный дневной свет, в ярких лучах кружились пылинки, на полу валялись осколки черепицы, а на

одеяле даже виднелся мох с крыши.

Дыра была размером метр на метр. Шэнь Цинжань пришел в ярость. Раз уж ты вешишь двести цзиней, нечего лезть в воры! Украденные вещи — это еще полбеды, а вот если бы проломленная крыша обрушилась на Сюэ Фэйфэна — это уже катастрофа.

К тому же, ни он, ни Сюэ Фэйфэн совершенно не умели чинить крыши.

Шэнь Цинжань и так целый месяц нагло оккупировал кровать Сюэ Фэйфэна. Как он мог теперь позволить своему благодетелю спать под открытым небом? Он взял постель Сюэ Фэйфэна и прямоком отнес ее на кровать в своей комнате.

Еще с утра небо затянуло тучами, к вечеру мог пойти дождь. Комната Шэнь Цинжана была просторнее, чем у Сюэ Фэйфэна, да и кровать на полметра шире.

Когда два одеяла оказались рядом, дыхание Сюэ Фэйфэна на мгновение замерло, но затем он увидел, как Шэнь Цинжань стаскивает свое одеяло на пол.

— Я буду спать на полу, — остановил его Сюэ Фэйфэн.

Шэнь Цинжань не позволил. Чья комната, того и правила. Раньше он не мог переспорить Сюэ Фэйфэна, но на своей-то территории он заставит его послушно подчиняться.

Но Сюэ Фэйфэн был непреклонен, так что Шэнь Цинжаню, скрепя сердце, пришлось вернуть одеяло на кровать, хотя внешне он сделал вид, что смирился с этим.

Когда пришло время ложиться спать, Шэнь Цинжань уложил Сюэ Фэйфэна на кровать, потер ладони друг о друга и принялся массировать ему мышцы ног.

Сюэ Фэйфэн лежал с закрытыми глазами, из последних сил терпя эту пытку и безмерно сожалея о том, что утром согласился на уговоры Шэнь Цинжана.

Он даже начал подозревать, что Шэнь Цинжань дразнит его нарочно: каждое прикосновение было подобно невесомому касанию шелка — мимолетное, но вызывающее невыносимую, дразнящую щекотку.

У Шэнь Цинжана не хватало силенок. Он давил так, что края ногтей белели, но для мастера боевых искусств вроде Сюэ Фэйфэна это было ничтожно мало, словно легкое почесывание. А когда Шэнь Цинжань, давая рукам отдых, слегка сжимал пальцы и легонько проводил ими по ткани одежды, это едва уловимое прикосновение усиливалось в тысячу раз, заставляя трепетать каждую клеточку тела.

Массаж от непрофессионала — это настоящая мука.

Опасаясь, что его тело выдаст неуместную реакцию, Сюэ Фэйфэн поспешно остановил Шэнь Цинжана:

— На сегодня достаточно.

Шэнь Цинжань покорно отпустил его, укрыл Сюэ Фэйфэна одеялом, мимоходом прихватил костыли и отставил их подальше, а затем юркнул в свою постель на полу.

Все эти действия были выполнены так гладко и естественно, будто он спланировал их еще в обед.

Сначала Сюэ Фэйфэн не понял, что Шэнь Цинжань задумал, а когда тот уже укутался в одеяло, останавливать его было поздно.

— Иди сюда, — позвал его Сюэ Фэйфэн хриплым голосом. Сколько раз Шэнь Цинжань «издевался» над ним одним и тем же трюком, а он все никак не мог усвоить урок, чувствуя в душе лишь бесконечную нежность и бессилие.

Шэнь Цинжань вызывающе развел руками:

«Хочешь спать на полу? Размечтался!»

На следующий день Шэнь Цинжань так и не изъявил желания попросить у системы семена, продолжая саботировать работу.

Система не выдержала: «Ты вообще читал оригинальный роман от начала до конца?»

Шэнь Цинжань: «Конечно, читал».

Вот только там было столько воды, что он предпочитал читать по диагонали.

Ах да, а еще каждый раз, когда дело доходило до сцен с селекционной станцией, у него от одного вида всего этого разнообразия семян начинала болеть голова, так что он смело их пропускал.

“В семнадцатый год эры Циюань на земли обрушилась великая засуха, и в регионе озера Тайху не собрали ни зернышка. Повсюду валялись трупы умерших от голода, доходило до того, что люди менялись детьми, чтобы их съесть. Бесчинствовали горные бандиты, а казенные войска были бессильны. Государственная казна опустела, императорскому двору было не до проблем народа. Процветала коррупция, вспыхивали бунты беженцев. Воспользовавшись ситуацией, армия Бэйхуэй двинулась на юг, захватив естественные стратегические рубежи, и тем самым положив начало пятнадцатилетней кровопролитной войне между государствами.

Система выдала ему кусок сюжета: Главная героиня, появившись словно из ниоткуда, накопит провизию и спасет миллионы жизней, заслужив почитание в веках. Осталось всего четыре года, почему ты совсем не шевелишься?”

Шэнь Цинжань: ???

Два миллиона слов — это вам не шутки, он уснул еще до того, как добрался до финала.

Так там еще и такое было?

Желая подчеркнуть, что это не просто новелла о фермерстве, а эпичное чтиво про «нагибаторов», автор явно перешел все границы здравого смысла!

Шэнь Цинжань трезво оценивал себя. Какой к черту талант к фермерству? Через четыре года он не то что мир не спасет — сам, скорее всего, пополнит ряды тех самых умерших от голода бедолаг.

Система принялась методично наставлять его на путь истинный:

«Через четыре года, когда разразится война, императорский двор непременно начнет повсеместно призывать крепких мужчин. Когда ноги твоего мужа заживут, он обязательно отправится на поле боя. У тебя сердце не дрогнет позволить ему снова стать калекой?»

Система автоматически включила трансляцию стихов «Чиновник из Шихао» и «Прощание новобрачных».

Шэнь Цинжань: «...»

Хватит, выключай, я и сам их наизусть знаю, спасибо.

«Ты тоже можешь стать выдающейся личностью, как главная героиня, — подбадривала его система. — Не хочешь взглянуть на магазин обмена баллов? Мы предоставляем не только семена, у нас есть любые технологии и оборудование, связанные с селекцией.»

Глаза Шэнь Цинжана загорелись:

«Там есть крупногабаритная сельскохозяйственная техника?»

Он заглянул в закрома системы, увидел первый интерфейс и едва не грохнулся в обморок прямо на месте.

Посадить один му риса = 100 баллов = Обычный серп ×1

В конце концов, сердце Шэнь Цинжана дрогнуло. Он не мог позволить Сюэ Фэйфэну снова пройти через эти мучения.

Поэтому, порывшись в ассортименте и не обращая внимания на сезонность, он выпросил кучу семян устойчивого к вредителям хлопка и скрепя сердце пошел их сажать.

При виде Шэнь Цинжана, выходящего из дома с мотыгой на плече, у Сюэ Фэйфэна чуть не развилась психологическая травма. Не смея гасить его энтузиазм, он тактично заметил:

— Сейчас зима, ничего не приживется. Давай дождемся весны и тогда вспашем поле. К тому времени мои ноги поправятся, и тебе будет намного легче.

Картина, нарисованная Сюэ Фэйфэном, пришлась Шэнь Цинжаню по душе. По правилам селекционной станции, только посеянные лично им семена давали эффект, но ведь вскапывать землю и делать лунки мог кто-то другой, а ему оставалось бы лишь бросить семечко.

Но оставалось всего четыре года, нужно было торопиться.

Вспомнив, как хорошо Сюэ Фэйфэн всегда к нему относился, Шэнь Цинжань глубоко вздохнул и решительно шагнул за порог, строго-настрого запретив Сюэ Фэйфэну идти за ним.

Минувшей ночью прошел дождь. Поле из-под сахарного тростника, урожай с которого выкупил Чан Мин, уже пустовало. Шэнь Цинжань шагал по раскисшей земле, оставляя за собой глубокие следы.

Он попросту отшвырнул тяжелую мотыгу в сторону, нашел какую-то палку и принялся тыкать ею в мягкую ровную землю. Сделав лунку, он бросал туда горсть семян хлопка — благо, достались они ему бесплатно, — а затем просто наступал сверху ногой, утрамбовывая землю.

Забирая сахарный тростник, Чан Мин вместе со своими братьями не упустил случая выслужиться и заботливо перекопал и разрыхлил землю на поле своего господина.

Длинная вереница следов — таков был уникальный стиль фермерства Шэнь Цинжана.

И ведь он был абсолютно уверен в своей правоте: нормально сажать он все равно не умеет, а пока научится — рак на горе свистнет. Так что этот способ был самым быстрым.

На небе сгущались грозовые тучи, нависая тяжелым черным свинцом. Сельчане, умевшие определять погоду, поспешили собрать инвентарь и разойтись по домам. Шэнь Цинжань же подумал, что пришел совсем недавно, и если вернется так скоро, Сюэ Фэйфэн его засмеет. Поэтому он не обратил на тучи внимания, решив, что будет разбираться, когда пойдет дождь.

Коленные суставы Сюэ Фэйфэна тупо ныли. Всякий раз в ненастную погоду, особенно при резкой смене, старые раны напоминали о себе.

Он немного переживал за Шэнь Цинжаня, который ушел, прихватив с собой лишь мотыгу.

Взяв зонт из промасленной бумаги и плащ из пальмовых листьев, он отправился на его поиски.

— Фэн-цзы, ты куда? — мимоходом поинтересовался односельчанин Ли Юэ, увидев выходящего со двора Сюэ Фэйфэна.

— Цинжань в поле, пойду позову ее домой.

— Давай я ее позову. Это ведь бывшее поле Сунь-второго, так? Мне как раз в ту сторону, — предложил Ли Юэ.

Это был тот самый юноша, который когда-то вернул долг Шэнь Цинжаню, чтобы тот смог купить инвалидную коляску. Он всегда помнил об этом добром деле и, получив шанс отплатить, не упустил его.

Отказываться было неудобно, да и злого умысла у Ли Юэ не было. Сюэ Фэйфэну пришлось передать ему плащ и зонт:

— Попроси Цинжаня возвращаться поскорее.

— Хорошо-хорошо, не волнуйся.

Разыскав Шэнь Цинжаня, Ли Юэ так и не понял, чем тот занимается — на вид поле ничуть не изменилось. Из-за плохой погоды он просто оставил плащ и зонт на меже, окликнул Шэнь Цинжаня, передал слова Сюэ Фэйфэна и поспешил домой.

Гроза разразилась быстрее, чем ожидалось. На землю обрушились крупные, как горошины, капли дождя. Вжав голову в плечи, Шэнь Цинжань подобрал зонт и плащ, в душе восхищаясь заботливостью Сюэ Фэйфэна.

Дождь мгновенно усилился. Шэнь Цинжань торопливо попытался раскрыть зонт, но тот, пролежав без дела неизвестно сколько времени, застрял намертво. Бросив эту затею, Шэнь Цинжань схватился за соломенный плащ.

И тут же обнаружил, что совершенно не понимает, как его надевать.

Дождь в считанные минуты промочил его до нитки, а Шэнь Цинжань все еще воевал с плащом, пытаясь в нем разобраться.

Слишком сложно.

Шэнь Цинжаню стало обидно.

Еще через пару минут плащ тоже насквозь промок.

Ну его, пойду так.

Шэнь Цинжань поднялся, утер мокрое лицо, сделал пару шагов, но затем развернулся, подхватил отяжелевший на добрый десяток цзиней плащ и, тяжело ступая, побрел домой.

Если он бросит вещь, которую дал ему Сюэ Фэйфэн, прямо в поле, и кто-нибудь из прохожих, кто умеет его носить, заберет его себе?

Нельзя быть таким транжирой.

Широкий и тяжелый плащ заслонял Шэнь Цинжаню обзор. На всей дороге он был совершенно один, с трудом разбирая путь сквозь стену проливного дождя.

Он брел, спотыкаясь на каждом шагу, но при этом упрямо прижимал к себе плащ, не желая его бросать.

Выглядел он при этом невыразимо жалко.

Сюэ Фэйфэн долго ждал дома, но Шэнь Цинжань все не возвращалась. Тревога в груди нарастала, и он уже собирался пойти под дождь искать ее.

Но стоило ему поднять взгляд, как сердце внезапно болезненно сжалось. Сквозь стену брызг от проливного дождя к дому медленно брел промокший до нитки бедолага, похожий на маленькую улитку, тащащую на себе тяжелую раковину. Зрелище было одновременно смешным и до слез жалким.

И как он только не подумал, что Шэнь Цинжань просто не умеет им пользоваться?

Увидев Сюэ Фэйфэна, Шэнь Цинжань, который до этого держался молодцом, мгновенно покраснел глазами. Накопившаяся обида вырвалась наружу.

Он с плачем бросился Сюэ Фэйфэну на грудь.

«Я правда не хочу заниматься фермерством».

Сюэ Фэйфэн погладил его насквозь промокшие волосы. В его глазах, глубоких, как океан, плескалась нежность. Низким голосом он пообещал:

— Мы больше не будем ничего сажать.

Он скорее отправится на поле боя, рискуя жизнью, чтобы добыть для Шэнь Цинжаня богатство и славу на всю жизнь, чем еще хоть раз увидит, как его «женушка» возвращается с поля в таком плачевном, донельзя обиженном виде.

<http://bllate.org/book/17933/1951184>